

Вадим
Месяц

ИМПЕРСКИЙ
РОМАНСЕРО

Вадим Месяц
Имперский романсеро

НП «Центр современной литературы»

2018

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

Месяц В. Г.

Имперский романсеро / В. Г. Месяц — НП «Центр современной литературы», 2018

ISBN 978-5-91763-424-1

В «Имперском романсеро» Вадим Месяц возвращается к легкости письма: питерское обериутство, британский абсурд, дзен-ский уход, закадровый диалог с московским метареализмом. Обращение к жалким мелочам и великим судьбам России входит в неожиданное тождество с классическим «смехом сквозь слезы». Подобные интонации присутствовали в его поэтике и раньше, но в нынешней книге, наконец, обрели стилистическую законченность. Тончайшая лирика и жандармская грубость расшаркиваются и толкаются в этой зазеркальной прихожей, словно Достоевский и Гоголь. К этим авторам отечественной хрестоматии он незаметно для себя и обращается, черпая не только иронию, но и державную мощь.

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91763-424-1

© Месяц В. Г., 2018
© НП «Центр современной литературы», 2018

Содержание

Гладиолусы	6
Жмурки в поезде	6
Рыбацкая считалка	7
Чернецы	8
Заброшенная каплица	9
Соловецкая вечеря	10
Гладиолусы	11
Беловодье	12
Бойцовые петухи	13
Зимний город	14
Просыпаются дети	15
Четверг	16
Две тени	17
Белая река	18
Голова моя случится больной	19
Я безжалостного зверя обману	20
Я царю в столице поверила	21
Не посмотри мне в пустую ладонь	22
Куриный бес	23
Ножницы стригут темноту	24
Новогоднее	25
Мария обнимает подушку	26
Обитель	27
Старик	28
В окнах свет такой беспокойный	29
Чабаклы	30
Ждет тебя медвежий угол	31
Артемий, Варвара и Дарья	32
Жасмин	32
Курортницы	33
Легенда о мастере Хань-Шане	34
Сансара	36
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Вадим Месяц

Имперский романсеро

© В. Месяц, 2018

© Издательство «Водолей», оформление, 2018

Гладиолусы

Жмурки в поезде

Ливень шуршит гравием в небесах,
дюны сахарный пересыпают песок.
Черный платок, затянутый на глазах,
больней, чем белый платок,
сжимает висок.

Дети, они коварнее могикан.
Но время проходит. Усталые старики
дуют, согласно ранжиру, в пустой стакан.
И в стакане слышится гул неземной реки.

Доисторическая раковина поет.
История, как чужая жена, на ковре лежит.
Она больше не бьется рыбой об лед.
И, как прежде, мужу принадлежит.

Я беру губами орехи из чьих-то рук,
они сладки, как ягоды, без скорлупы.
Вдруг одна из кормилиц ломает каблук.
Люди вокруг меня – слепы.

Они мне родня, мне жалко моей родни,
когда сходит в гроб один и другой народ.
Лишь тот, кому удалось задремать в тени,
с восторгом увидит восход.

На вершину вулкана железнодорожный путь
взбирается по спирали, мешая дым.
Кондуктор главу свою уронил на грудь.
И стал святым.

Рыбацкая считалка

Одеялом фиолетовым накрой,
нежно в пропасть мягкотелую толкни.
Я бы в бурю вышел в море, как герой,
если справишь мне поминки без родни.

Верхоглядна моя вера, легок крест.
Не вериги мне – до пояса ковыль.
По ранжиру для бесплодных наших мест
причащеньем стала солнечная пыль.

Только спящие читают, как с листа,
злые смыслы не упавших с неба книг,
вера зреет в темном чреве у кита
и под плитами томится, как родник.

Возле виселицы яблоня цветет,
вдохновляя на поступок роковой
небесами тайно избранный народ
затеряться среди пустыни мировой.

Рвется горок позолоченных кольцо,
сбилась в ворох сетка северных широт,
раз за мытаря замолвлено словцо,
он с улыбкой эшафот переживет.

Присягнувшие морскому янтарю,
одолевшие молитву по слогам,
я сегодня только с вами говорю,
как рыбак твержу унылым рыбакам.

Трепет пальцев обжигает тело рыб,
мы для гадов – сгустки жаркого огня.
Если я в открытом море не погиб,
в чистом поле не оплакивай меня.

Чернецы

Можжевеловые прелые скиты,
воскрешенья пустотелые киты
незаметно размягчаются в тепле
и с молитвой растворяются в земле.

Годы их трудолюбивой тишины,
урожай прощенья истинной вины,
и отчаявшийся легковесный грех
вместе с дымом поднимается наверх.

Ты постигнешь первый опыт немоты,
тайны плоти, превращения воды,
равнозначности полета в вышине
и глухого прозябания на дне.

Что земля, вбирая боль ночных теней,
с каждым возгласом становится сильней.
И деревья, что повалены грозой,
поднимает оборонной полосой.

Если ты на битве праведной погиб,
то сейчас тревожишь души вечных глыб.
И престолов заколдованный оплот
от движения расходится, как лед.

Заброшенная каплица

Э. Сокольскому

Не иконы здесь висят – зеркала.
Этот храм который год нелюдим.
Точит сердце ледяная игла,
ест глаза мои разборчивый дым.

Рыбьи блюда от пылищи мутны.
Полнолуние светит в каждом окне.
По плечам бегут лучи со спины
и вослед сквозит озноб по спине.

Не кощеевы ли мощи в тепле
под престолом, как в охапке гнезда,
отражаясь на поникшем челе,
воскрешают очертанья креста?

Тут владыка был, как пес на цепи,
и случилось – с прихожанами лют.
Может, темная часовня в степи —
мой единственный в пустыне приют.

Опьяненная страданьем душа
тайно выбраться на свет временит,
серебро разъели копоть и ржа,
но оглохший колокольчик звенит.

У раскрашенных ворот алтаря,
приглашающих неверных на суд,
кольхается волнами заря,
будто цапли коромысла несут.

Все готово для последних крестин.
Скоро ты утратишь веру и весть,
чтобы с Господом один на один
отказаться от всего, кто Он есть.

Соловецкая вечеря

На воду не дуй, на зеркало не дыши:
в сердце, как в мировом яйце, нарастает звук.
циркуль на дне опустевшей души
вычертил ровный круг.

Лица за кругом в медлительный ряд встают:
ангелы в праздники все на одно лицо,
смотрят, как будто студеную воду пьют,
а на дне кувшина – кольцо.

Это не смелость, а ясный, как белый день,
холод возмездия, что заменяет дух
тем, кто в молитве неистойой стал как тень.
Три раза уже прокричал петух.

Четки сосчитаны. Оборваны лепестки.
Но никто не решается задать вопрос.
Серафимов престол над островом Соловки.
Это здесь был распят Христос?

Башня растет, расширяются кольца зим.
В плотном огне проступает белесый брод.
Небо – это всего лишь пасхальный дым.
Оно сейчас с грохотом упадет.

Гладиолусы

Б. Кольмагину

Ставни смотрятся окладами икон,
только в ликах нет воскресного тепла.
И стучит по сапогу прощальный звон
от бутылочного жалкого стекла.

Навалившись ярким цветом на забор,
гладиолусы мерцают все наглей:
многоглавый, как дракон, цыганский хор,
онемевший вместе с криком журавлей.

Сколько нас, осиротелых и немых,
бродит утром по стеклянным площадям,
растеряв на деревянных мостовых
жизнь, приросшую к беспомощным горстям.

Наиграешься с фарфоровым котом,
обведешь ему помадой красный рот.
Все, что бережно оставишь на потом,
не с тобой, скорей всего, произойдет.

Нет ни сахару доверья, ни свинцу.
За последним перевалом сентября
дух проснется от удара по лицу,
как мороз вдохнет заряд нашатыря.

Утонуло в ряске старое весло,
горькой плесенью пропахли паруса.
И закат ложится в воду тяжело,
как монеты на усталые глаза.

Беловодье

На ветру газета ярко горит,
развернешь – и не удержишь в руках.
Как сыграли Лиссабон и Мадрид,
не успеешь дочитать впопыхах.

Керосинками чадят пикники,
господа уходят в фанты играть.
Тянут жребий боевые полки,
за кого идти теперь умирать.

Дворник медленную стружку метет,
и на камешках железо искрит.
В Божьем храме удивленный народ
детским голосом с царем говорит.

Ниткой бусинок он нижет слова,
кольхая разноцветную ртуть:
за венедами звенит татарва,
за мордвою – белоглазая чудь.

Мы оглохли от бессонных цикад,
обнимая глупых девок во сне,
по откосам ниспадает закат,
застывает страшным комом на дне.

Люди белые идут за стога,
а выходят, будто тени темны.
На ковре пылает след сапога.
а на солнце – отпечаток луны.

Бойцовые петухи

Петухи срastaются, как близнецы,
шаром вкатываются в хоровод:
волчья стая сцепилась в шкуре овцы,
сапогами стучит в живот.
В жженный сахар растаяли леденцы,
опустились в пучину вод.

Раздуваясь волынкой в клубах огня —
не до музыки в звоне шпор.
И снует вездесущая пятерня:
не наказан, не пойман вор.
Недолго осталось до Судного дня,
из избы уж вымели сор.

Сколько злата ты в черепном чепце
унесешь в черноту аллея?
День, как порох, сгорит на твоём лице,
но с приходом луны оно – злей.
Два бога в одном мировом яйце,
ветер слушают из щелей.

В душе моей горбятся инь и янь,
валетом спят дочь и сын,
но руке не дано превратиться в длань,
даже если в ней – апельсин.
Ну, куда ты, несчастный, в такую рань.
Если любишь, живи один.

Переходим студеное море вброд,
места нет в снегу – янтарю,
голос сердца баюкает мой народ,
дай дорогу поводырю.
Мы любому встречному смотрим в рот:
не пора ли трубить зарю.

Очи черные. Лоб белизной горяч.
А любовь, как хмельная взвесь.
алым гребнем победы летит кумач,
за горою, то прямо здесь.
И мой хохот бесстыжий, как жалкий плач
на исходе. Вот вышел весь...

Петухи, сокрушающие дворцы...
Тяжким тленом изъеденные венцы...

Зимний город

Снежинок мельничные колеса
застрянут промеж домов,
с зеркального отразив откоса
тяжесть дневных дымов.

За их расправленные каркасы
уходят под кров сетей
разлуки трагические гримасы,
рожи пустых страстей.

Елок унылые колокольни
решают, клонясь челом,
кто беззаветней и добровольней
первый пойдет на слом.

Солеными псами стоят на страже,
познали на вкус моря,
все глубже вмерзая в глухие пляжи,
корявые якоря.

Но тщетно трещит, наливаясь злобой
и мощью подледных рыб,
укрыт маскировочною робой,
реки локтевой изгиб.

И мы, кто, увы, рождены глупцами,
гремим за ночным столом:
во рту – разноцветными леденцами
за пазухой – битым стеклом.

Просыпаются дети

Просыпаются дети, размягченные сном.
Сыромятные плети укрепились вином.
Безразличие тела поднимая с колен,
налились до предела разбухания вен.

Вождение трещин бьет куриным яйцом
по смятению женщин с недовольным лицом.
Нервом в кукольном лике обрывается нить
чтоб расслабиться в крике и навеки застыть.

Как подводные травы в быстром шорохе рыб,
создают костоправы несуразный изгиб:
в дорогом постоянстве обнимая простор
в искривленном пространстве взбаламученных штор.

Пони ходит по кругу, а пророк по воде.
Окажите услугу неизбывной беде,
той, что ставни открыла, и стоит у окна,
безмятежно забыла, что могила одна.

Наши взрослые страхи, как столбы, высоки.
Сколько силы во взмахе сиротливой руки:
пустотелой перчатки, оброненной на пол,
лошадиной брусчатки торопливый глагол.

Четверг

Котенок играет в шторах,
будто ветер ворвался в дом,
Воспламеняется порох.
Стынет вода подо льдом.

Дети поутру в школе.
Отец в семейных трусах
бродит по хате на воле,
словно олень в лесах.

Зеркало – небосклоном,
блестит изумрудом брошь.
Пардон, старинным иконам,
скажешь, когда чихнешь.

Ворон стоит на страже,
радуга ест сугроб.
В днище проржавленной баржи
утопленник вылепил гроб.

Шитые ниткой камни,
красный в конце узелок.
Люди бредут по Каме,
путь их совсем продрог.

В мире два государя
делят твою судьбу:
у первого – грустная харя,
у второго звезда во лбу.

Две тени

Две тени, как черные кошки, бегут за мной.
Я слышу, ступени растут за моей спиной:
две тени, проворные звери, скользят по ним,
из сорванной двери рядами слоится дым.

Мелькают, меняясь местами, теряя след,
две тени, две страшные тайны, которых нет.
Когда рассташься, разлуку себе представь;
едва обернешься, и сон превратится в явь.

Я горе измерил, мой хохот живет в глуши.
Я долго не верил, что в теле есть две души,
пока не утратил одну, но как прежде пел,
сокрыв белизну, черный уголь крошится в мел.

Две тени, две старых истории, две стрелы
в столичной Астории я огибал углы:
меня волочили две дочери, две жены
любовью лечили от древней двойной вины.

В безжалостной вьюге мне хочется их тепла,
но вывернут руки мне два вороных крыла
к мольбе законной, к которой почти привык
услышавший свой незнакомый влюбленный крик.

Белая река

Твои косы в мою лодку не войдут,
не уместятся на скрипнувшей корме,
на летящую стремнину упадут,
черным облаком по белой Колыме.

На закате лес испариной горит,
и на скатерти шербится ржавый нож...
Ты решала, кто тебя уговорит,
выбирала с кем под музыку пойдешь...

Вот и плыть мне в заколдованную глушь
с неучастливой невестой молодой.
За покой невинно убиенных душ
распускать унылый невод под водой.

Нам сердца стояли свадебным столом,
нам кукушки вили гнезда на лету.
В отчем доме, сбитом мамкиным теплом,
нету места ни иконе, ни кресту.

Мои сестры память ведьмы проклянут,
надсмехаясь над ужасной красотой.
В тихом омуте утопят жесткий кнут,
задавлив его могильною плитой.

Расплетает косы белая река,
что годами точит льды и белый снег.
И глазами кучевые облака
провожают несвободный человек.

Грузят уголь на поддоны, тащат соль,
неприкаянных невольников ведут.
По реке плывет растравленная боль,
и века за гробом праведным идут.

Надоела парню участь палача.
Хватит прошлого, а будущее – прочь.
Если тело, словно белая свеча,
если волосы – распахнутая ночь.

Голова моя случится больной

Голова моя случится больной
притяжением растущей луны
Над звенящею ночной тишиной
в кадках крепкие скрипят кочаны

утрамбованы и свернуты так,
чтобы было невозможно дышать,
жалкий мозг, что превратился в кулак
и не в силах холод пальцев разжать

жабры жадные с крюками внутри
беспощадные судьбы жернова
мне молитву наугад подбери
тяжким камнем тонут в глотке слова

в тесном поприще холопых голов
замороженных мечтою одной
среди рассыпанных в степи валунов
перед Великою Китайской стеной

научи меня угрюмо молчать
чтобы вечно на устах таял лед
размыкающий присяги печать
так безмолвствует в Сибири народ

или звонница погибшая спит
по макушку в вертикальной воде
каждый колокол бедою налит,
но не слышен никому и нигде.

Я безжалостного зверя обману

Я безжалостного зверя обману,
хоть не знал от зверя горести и зла.
Лютый вой его зальет мою страну,
сдавит в сердце горсть последнего тепла.

В черной проруби замерзнет волчий хвост,
жесткий лес взойдет на сгорбленной спине,
И душа его, теряясь между звезд,
даст присягу ненасытной тишине.

Я царю в столице поверила

Ю. Казарину

Я царю в столице поверила,
пожелала ему быть царем всегда.
В лес вошла, а там скрипит дерево,
так скрипит, что стынет в реке вода.

И в дубравах с распростертыми кронами
нет покоя, а скрыта в глуши беда:
облетевшими обгаженными
листопадами плачет, как от стыда.

Я искала его, воздух слушала,
прислонялась щекою к глухим стволам.
И могилы с уснувшими душами
удивлялись словам моим и делам.

Я нашла его там, где не ходит зверь,
где синица падает замертво.
Среди леса стоит и скрипит, как дверь,
то ли дерево, то ли зарево.

И увидела я темную страну,
где столица горит ярким пламенем.
Вот и вспомнил мой царь давнюю вину,
огню теперь грозит черным знаменем.

Половецкою стрелой – червоточиной
сверлит сердце ему, как алмаз нефрит.
И лицо его моею пощечиной
уж который год на ветру горит.

Не посмотри мне в пустую ладонь

С. Ярошевичу

Не посмотри мне в пустую ладонь,
не называй меня сыном.
Непостижимый пылает огонь
в черном гнезде аистинном.

Аисты пляшут на ярком огне,
к облаку крылья воздели...
Мы не остались в холодной стране,
вместе на юг улетели.

Мамка славянская в темном дому
с бледным лицом онемелым
пряжу прядет, не нужна никому,
даже влюбленным и смелым.

Светит звезда над родимым углом,
ширится даль пепелища.
Блудных детей не одарит теплом,
очи не выжжет до днища.

Жалким предателям бедной земли,
в тайне грехи отпусти нам.
Длится пожар, раскалились угли
в черном гнезде аистином.

Дай нам дорогу пройти до конца,
пусть нас не вспомнят ни словом.
В горе не скрыться Господня лица.
И не уснуть под Покровом.

Куриный бес

Твои очи смотрели вдаль,
а глаза опустились вниз.
Под рубахой блестела сталь,
как последней любви каприз.

Все чем жил, и чему был рад,
без смятения перемерь.
Открываются десять врат,
а нужна на дорогу дверь.

Свет недолго людей хранит,
позабавился да исчез.
Обернешься – в глазах горит
и ликует куриный бес.

Горизонт до предела стерт,
а за ним беспросветный ров.
И по телу словесный черт
открывает зиянье ртов.

То ли звезды в тебе поют,
то ли гвозди в груди гниют.
Как под радугуходишь в раж:
мне блаженством казалась блажь.

Вон из дома сундук с добром.
Кушай кашу из отрубей.
Пред распахнутым алтарем
челобитную тверже бей.

И огонь превратится в лед.
И письмо вдруг напишет мать.
Верный пес мне щеку лизнет.
И товарищ уложит спать.

Ножницы стригут темноту

Ножницы стригут темноту,
режут наугад темный мрак.
Крылья голубей на лету
падают на холки собак.

Храмы, своды чьи небеса,
славятся молвой на крови.
Шалью затяни тусса,
линию слезы оборви.

Черные, как горы, стога
не заменят дым деревень,
собраны почти на века,
полыхнут на праздничный день.

Ножницы кромсали сукно,
в угол уводя зряшный блуд.
И горело в небе окно.
И гореть ему, когда разобьют.

Хорошо устроена жизнь,
только в основанье темна.
А когда в постели лежит,
добрая, почти как жена.

В звездах по колено идем,
в омурах намоленных спим.
Что нажили тяжким трудом
превращаем в радостный дым.

Новогоднее

Мерзким клубком катаясь
по снеговому насту,
чурка, цыган, китаец:
кто бы ты ни был – здравствуй.

Порча брезгливой спеси
в счастье моем мажорном
вклинилась в голос песни
лязганьем подзаборным.

В складках песцовой шубки
рябь нефтяных разводов,
кратким полетом шутки
скрыт разговор народов.

В полночь в облаке пыли
люди выйдут из комнат.
Кем они раньше были,
больше уже не вспомнят.

Так мы забудем солнце,
севши под сенью ели.
И проклянем господство
архангела Михаэля.

Все мы отныне вместе,
будто семейство в бане,
в гари паленой шерсти,
в дикой стрельбе шампани.

Вышвырнем на рубаху
вместе со снedyю душу,
вывернем, как на плаху,
красный карман наружу.

Мария обнимает подушку

Мария обнимает подушку,
прижимает ее к животу:
мягкую, влажную от болезни,
пахнущую курятником.

Ей отсекает голову
маятник старых часов,
подруга вносит Библию
на подносе с чаем.

Марат убит любовницей,
Робеспьер казнен.
Вот и ты куксишься.
Инфлюэнция – это блажь.

Полюби кого-нибудь.
Это полезно душе.
Пусть колониального прошлого
нам не забыть.

Я не хочу любить,
а хочу соблазнять, —
говорит Мария,
она, наконец, поняла себя.

Температура не спадает неделю.
Народные волнения не утихают.
Мария кормит грудью
вымышленного ребенка.

Откроешь кран – течет молоко.
Ванная полная молока.
Бумажный кораблик плывет в молоке.
Дети плещутся в молоке.

И когда закрываешь глаза —
все становится белым.

Молоко... вино... какая разница...

Обитель

Детства поднебесные розы
в трудовом стекле водолаза:
не морская пена, а слезы
каплют из влюбленного глаза.

Тянутся резинкой улитки,
зацепляя кромку бумаги,
длинно распускаются свитки
под дорожкой медленной влаги.

Обвенчалась едкая сера
с женской первозданною ртутью,
на устах рождается вера,
дышит осмелевшею грудью.

Экскурсанты вышли на тропы,
в камеры направили взгляды:
разобрали сердце Европы,
как на барахолке наряды.

Тряпочное сердце не бьется,
воздухом наполнены жилы.
В чистоту глухого колодца
задувает холод могилы.

Мы великодушно забудем
непрощенный грех Вавилона,
дремлющую Прагу разбудим
громом стеклотары с балкона.

Шабаш переходит на шепот,
проступает смысл зыбкой вязи...
Времени беспечного ропот,
вечности случайные связи...

Старик

Пробудишься в безмолвии больниц,
отпразднуешь в тоске рассветный час.
В окне кружатся стаи белых птиц:
они пришли не к нам и не про нас.

В домашних тапках выйдешь в коридор,
прошлепаешь за этажом этаж.
Лифт барахлит, и не поймать мотор...
Мы налегке отправимся в тираж.

Зеленых стен зловецкий шепоток
с незрячею душой поводыря
даст на прощанье воздуха глоток,
убойный, как удар нашатыря.

Там в глубине накрыт уютный стол.
И над столом таинственный фонарь
качается как пьяный богомол,
роняя незатейливый янтарь.

Одним из самых главных, вкусных блюд
ты ляжешь на него, как царь Кащей.
И над тобой склонится честный люд
в позвякиваньи вилок и ножей.

Застава меж мирами иль вокзал,
где в четком расписанье поездов
одни поедут на лесоповал,
другие на альбомы бедных вдов...

Жизнь теплится в стареющих телах,
и героизм, как музыка, нелеп,
когда в подземных мусорных углах
вам кто-то молча подает на хлеб.

Скрестите пальцы, крепче кулаки.
Из-под дверей клинических палат
выходят бурой крови языки.
И тут же возвращаются назад.

В окнах свет такой беспокойный

В окнах свет такой беспокойный
    легкий, как пожар на закате:
так самоубийца запойный
    мечется в горящем халате

в знойной петушиной отваге
извлекает хриплые ноты,
глохнут пузыри мутной браги
    муторно растут обороты

в вечной беготне муравьиной
    проступают пятна на солнце
взорванною барской периной
в мировом бездонном колодце

медленно пульсируют шторы
слушая гармонию стеклодува
воды золотого Босфора
    размыкают бухту Гурзуфа

в миг, когда холеное тело
женщины, завещанной богом,
на руках влюбленных истлело,
вспыхнув электрическим током

в окнах свет такой беспокойный
    высветил фигурные скальпы
поднятые к лампе ладони
красные крапленые карты...

Чабаклы

Кони встали у деревни Чабаклы,
за заборами услышав волчий вой.
В голове моей звенели кандалы:
так бежал я с одурелой головой.

Улюлюкала встревоженная степь.
Я на площади пустой упал на снег,
уцепившись за колодезную цепь,
в ней увидел свой последний оберег.

Полетели с перевернутых саней
по оврагам крутобокие кули.
Ты не станешь ни богаче, ни бедней.
коль придешь испить воды на край земли.

Я пил воду ледяную из ковша,
Я не мог в ту ночь насытиться водой.
Руку левую держала мне душа,
Руку правую сковал мне дух святой.

Только сердце не досталось никому:
ни волкам, ни добропамятной жене,
я пил воду, будто нянчил кутерьму,
на роду Тобой написанную мне.

Мрачным войском встали за полем леса,
словно ворон крылья черные раскрыл.
Я на небе видел мамкины глаза,
Я пил воду – будто с нею говорил.

Ждет тебя медвежий угол

Ждет тебя медвежий угол,
темной родины закут.
В хоровод дворовых пугал
нас проселки завлекут.

Не помянут сладким дымом —
обоймут морозной тьмой.
Ты рожден моим любимым,
даже мертвый будешь мой.

Ты гулял в заморской шляпе,
терся в вечных городах,
сжав на гибельном ухабе
легкий трепет на устах.

К женской ласке равнодушен,
лестью искренней смущен,
растревожен и разрушен
торможением времен.

Одураченный любовью,
как порукой круговой,
делишь зимнее безмолвье
с безутешною вдовой.

Артемий, Варвара и Дарья

Жасмин

А. Гаку

В сорок пять лет, я узнал, как цветет жасмин,
обломав с сыном ветки с каких-то кустов
на обочине серпантина в графстве Монро.
Лесная дорога петляла по холмам:
из-за поворота в любой момент
могли появиться менты или взбешенные садоводы.
Мы привезли букет нашим дамам,
и они сообщили нам название трофея.
Подумать только, свершилось!
Начался новый виток судьбы под знаком жасмина.

Леса дышали влагой разлагающейся плоти,
в духоте парниковой отсыревали папоротники и хвощи,
в июле окунь и басс начали клевать на червя,
забыв о своей хищнической природе.

Цветы стояли на столе в обрезанной пластиковой бутылки
от «Кока-колы» почти десять дней.

Тем летом из Нью-Йорка ко мне часто приезжал мой друг.
Мы сидели на дощатых мостках у воды,
говорили про Каббалу, Барака Обаму, женщин Востока...
Он рассказывал, каким прекрасным будет наш мир,
когда американская духовность войдет в каждый дом.
Я не спорил, лишь повторял, что свобода,
это когда ты можешь идти день за днем по лесам и полям,
питаться сушеной рыбой, спать там, где тебя настигнет ночь,
рвать грибы и цветы, чтобы когда-нибудь случайно
узнать, что такое жимолость... жерест... жасмин.

Курортницы

Ласточке

Колени толкали большую юбку,
искрили в колоколе тепла.
И мне становилось легко и зябко,
когда ты берегом моря шла.

Движенье рождается раньше смысла,
в безмолвье лопается струна.
Все, что мне нужно, – двинуться с места,
если дорога мне – тишина.

Смотреть им вслед это – шествовать рядом.
Пусть щеки опять на ветру горят.
Они идут. Лишь одарят взглядом.
Неважно, что они говорят.

Любовь, словно смерть, отрицает Бога,
настолько глубок ее взрослый след.
И тени пластаются у порога,
и соль полыхает как горний свет.

Вода, овладевшая тайной плоти,
душа, овдовевшая, как сестра —
их тайна о нашем бесстыдном взлете
в зиянье утраченного ребра.

Мы были вчера беспристрастной глиной,
свинцом, уходящим на глубину.
Приходит время придти с повинной.
И тщательно выбрать себе вину.

Они идут. Ты уходишь с ними.
Курортный роман обречен на ложь.
И ты невпопад произносишь имя,
как будто ребенку его даешь.

В Эдеме пустеет последний ярус,
уборщики брачный чертог метут.
И в сердце вселенной белеет парус,
лишь волны вокруг времена влекут.

Легенда о мастере Хань-Шане

Памяти Георгия Балла

В долине неспешно смолкает собачий лай,
пороги предместий омыты святой водой.
Мой сын ушел на большую гору Утай,
что под Полярной звездой.

Он не взял с собой никаких дорогих вещей.
Уголек из печи я вложила в его ладонь.
И остался качаться в окошке для малышей
деревянный конь.

Бубенец на четках сына едва звенит,
полыхает старая лампа в другой руке.
Мой мальчик уходит молча в ночной зенит,
к мерцанию вдалеке.

Его восхождение к Господу длится век.
Чем выше поднимаешься, тем бесконечней путь.
Он жилище находит и расчищает снег.
Он решил в нем уснуть.

Я вижу, как он растворяется в пустоте,
Вот-вот, и годы образ его сотрут.
Возносится дух его прямо к Полярной звезде,
я чувствую, он не тут.

Пусть небеса дают нам хороших учителей,
от греха отводят признание и почет.
Мой сын больше не чувствует плоти своей.
Река не чувствует, что течет.

Переписчикам книг в награду за тихий труд
каждую ночь приходят древние мастера.
В зеркале тусклом рыбы и птицы плывут.
И одна прошептала: пришла пора.

Имя Будды Амиды повторено столько раз,
сколько вода перебирает в море песка.
Он войдет на порог, он не поднимет глаз.
В его лампе – огонь родимого очага.

У дороги могилу я рыла себе сама.
На земле было славно, но и на небе – рай.
У наших ворот, словно лес, расступилась тьма.

Мой сын вернулся с горы Утай.

Свет Полярной звезды размывает густую тьму.
Колокольчик звенит, разыгрался в печи огонь.
И качается в полузабытом пустом доме
деревянный конь.

Сансара

Рассыпчатая сущность кирпича,
стены Китайской детская основа,
коричневая охра, умбра, марс,
сиена жженая, и городской дымок
прозрачно рыжеватый на закате,
такая сладкая забытая болезнь.

Хромые стулья, проржавевший ключ...

Кто погружает вещи в пустоту,
становится пустым и безразличным.
В чайниках заболоченной воды,
всплывающих со дна, не меньше света,
чем в искрах... Вечер веслами скрипит,
изображая старческий восторг:

Незрячие глаза, застывший воск...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.